

Живое Авторское Слово

ИНЪЕКЦИЯ
ВРЕМЕНЕМ

Альманах

Asatbekov Habib

Татьяна Помысова

Инъекция временем. Альманах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54978528

ISBN 9785449876904

Аннотация

«Времена не выбирают, В них живут и умирают»(А. Кушнер)Мы тысячи раз проходили через подобное и в этот раз пройдем. Последствия? Кто может нам их предсказать? Время Нострадамусов давно закончилось, а новых пророков нет в своём отечестве. Или они есть? Может быть, кто-то из авторов даст Вам ответ на эти и другие вопросы. Читатель, живи с нами! Составитель альманаха:Татьяна Помысова Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

«Времена не выбирают, В них живут и умирают»	8
Татьяна Помысова	9
Последний день Луны	9
Ручки-колючки	12
Весна прекрасна	17
Мантра о весеннем	19
Памир	20
Алое	21
«Мужчина с широкой спиной и плечами...»	23
«Пустыня выжгла слизистую...»	24
«Если ты обнимаешь меня ...»	25
«Земной, телесный, потный...»	26
«...Я была твоей добычей...»	27
Когда?	28
«Муза моя, вернись...»	29
С Крещением	30
Он призовет	31
Прощёная весна	33
Ко Дню Поэзии	34
Ко дню смеха	35
День Победы	37
Константин Домарев	38
«Когда кончится свет – навалится тьма...»	38

«Моя душа куда-то отлетела...»	39
Остаёмся навсегда	40
Delete	41
Попробуй	42
Ольга Горячкина	43
Зима	43
Лето	44
О жизни	46
Портрет Ламы	47
Чёрное и белое	48
Мысли разные	49
Олег Польш	50
Как лист увядший падает на душу...	50
Баллада о смерти	51
«О, Цезарь! Ты меня спросил про Спартака...»	53
Рыцарям Аст-Ахэ посвящается	54
Элла Егорова	56
Цвет судьбы	56
Коронавирус	57
Поверь	58
Октябрь	59
Новый день наступит	60
Про нас...	61
Опять рассвет	62
Новизна	63

Весна	64
Первый раз	65
Мечты...	66
Мне кажется	67
Израиль	68
Кирилл Рожков	69
Радика	69
Мы едем к тебе	78
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Инъекция временем

Альманах

Редактор Татьяна Помысова

Дизайнер обложки Хабиб Асалбеков

© Хабиб Асалбеков, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-7690-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Инъекция временем». Художник Хабиб Асалбеков.

«Времена не выбирают, В них живут и умирают»

Точнее русского поэта Александра Кушнера и не скажешь...

Мы тысячи раз проходили через подобное и в этот раз пройдем. Какие нас ждут последствия? Кто может нам их предсказать?

Времена Нострадамусов давно закончились, а новых пророков нет в своём отечестве. Или они есть?

Может быть, у кого-то из авторов Вы найдёте ответ на эти и другие вопросы.

Читатель, проживи этот альманах вместе с нами!

Составитель альманаха:

Татьяна Помысова

tanya@pomysova.ru

Татьяна Помысова

Последний день Луны

(Написано в соавторстве с Владимиром Волковым)

Огромная Чёрная дыра неумолимо приближалась к Луне. Время отсчитывало последние минуты жизни спутника планеты Земля. Всё происходило, как в замедленном кино: звонкая тишина разрушала кричащее пространство. Тишина становилась всё громче и громче. Ещё мгновение и Луна исчезла в её чёрном зеве.

Все космические объекты, летающие вокруг планеты одновременно посыпались на Землю, как спелые яблоки с веток. Все спутники, все космические станции – всё, что раньше фотографировало, передавало информацию, следило – всё разом рухнуло в преисподнюю.

Мир погрузился в тишину. На всей территории планеты прекратил работать интернет, сотни миллионов землян впали в ступор. Сработали все системы, извещающие о нападении во всех странах мира. Все вооружённые силы планеты были приведены в боевую готовность и начали поиск цели.

«Седьмое июня». Художник Татьяна Помысова

Но никто ни на кого не нападал. Если раньше цели показывали со спутников, то сейчас экраны молчали. С самолётов, барражирующих на границах стран, поступала информация об отсутствии источников нападения.

Первыми не выдержали украинцы и всеми имеющимися в наличии ракетами обстреляли территорию России. К Украине подключились Румыния, Польша и страны Балтии. Заполыхал огонь войны. Россия сверхмощными баллистическими ракетами смела с лица Земли столицы и прилегающие территории напавших стран.

В бой против России включились Турция и Греция. По всей границе с Россией Китай открыл ураганный огонь. Россия с подводных лодок баллистическими ракетами с ядерными боеголовками накрыла все города-миллион-

ники Китая.

Сверхмощной ракетой с одной из подводных лодок, находящихся в Карибском море, была поражена Йеллоустоунская кальдера и началось извержение вулкана, нарастающее с каждым мгновением. По всей территории США, Канады и Мексики пошли огромные тектонические разломы.

Солнце погасло в облаках чёрного пепла. Ни один луч не мог пробиться на Землю. Наступила ночь. Народ Америки погрузился в ужас. В Китае, Японии, Корее проснулись десятки вулканов и новые жерла появлялись с завидной скоростью, и извергались тучами лавы, огня и пепла.

Перед моими глазами появилась табличка с надписью «Седьмое июня», вокруг которой полыхало пламя. И тут мой мозг, как стрелой, пронзил звонок будильника и я подскочила на диване в холодном поту...

Ручки-колючки

Сценарий новогоднего праздника

Однажды малыши-марсиане играли на детской площадке. Вокруг было пустынно и не росло ни одного дерева. Вдруг, рядом с площадкой сел космический корабль. Малыши спрятались за стеной соседнего дома и украдкой наблюдали за инопланетянами.

Открылся люк, из него вышли братья-близнецы и вытащили красивое зелёное деревце, украшенное огоньками и шариками. Деревце упиралось и плакало. Малыши уже были готовы выскочить из-за кустов, чтобы вступить за ёлочку.

Первый хулиган:

– Давай спрячем тут ёлку, её никто не найдет. Обойдутся земляне без праздника.

Второй хулиган:

– Но на земле полно ёлок, как избавиться от них? Их могут использовать для праздника.

Первый хулиган:

– Ничего, мы украли Главную ёлку, и теперь на Земле в зимнюю пору будет что-то да не так, и наша хулиганская цель будет достигнута.

Второй хулиган:

– Некогда болтать! Прячь скорее и полетели. Нам не стоит долго задерживаться на этой планете, могут поймать.

Хулиганы сунули ёлочку в марсианские пески и улетели.

Малыши бросились вытаскивать на свет красивое деревце.

Первый малыш:

– Ой! Дерево колется! О-о-о-о-й!

Второй малыш:

– Ты его схватил больно, вот оно и защищается. Ой! У деревца ручки – колючки! Оба заплакали от боли и неожиданности.

Мама и папа в беспокойстве прибежали на плач малышей.

– Чужло мое сердце, что случилась какая-то беда! Сыночки мои, не плачьте! – сказала мама. – Сейчас наш Космический Доктор Кот полечит Вам ручки! Котишка волшебный: он такой пушистый, если его погладить – от его мурлыканья пройдут царапины. Малыши засмеялись и принялись гладить Кота. Выпуская из глаз замысловатые искры, Кот вылечил их. Правда, ему пришлось незаметно воспользоваться медицинским чемоданчиком и карандашом – зелёной.

– А я вам пока расскажу про ёлочку с ручками-колючками – улыбнулась мама. – Это волшебное деревце, живет оно в лесу на планете Земля. Когда наступает Новый год, ёлочку приносят домой и наряжают.

Меж тем хулиганов быстро настигли космические полицейские.

– Простите нас! Мы больше не будем! – хором сказали космические хулиганы.

– Ну, смотрите, ещё раз попадёте, так просто не отделаетесь – пообещал Главный полицейский, на сей раз великодушно отпустив космических хулиганов.

.«Добрый Космос». Художник Татьяна Помысова.

А папа на космическом корабле слетал на Землю и вернул туда ёлку. Она стала точь-в-точь, как в Москве на Красной площади близ самого Кремля. То-то было радости лю-

дям на Земле!..

Весна прекрасна

Весна прекрасна тем, что есть она.
После зимы – гитарный звон сосулек
И кажется, что лопнет, так полна
Душа любви, как пчёл медовый улей.
Весна прекрасна тем, что по ручьям
Вода сплавляет льды разлук нелепых.
И руки тянем к тем, кто нужен нам.
И с ними тонем, в обновлённых реках.

«Дама с собачкой». Художник Татьяна Помысова

Мантра о весеннем

*«Губы треснули, как льдинки —
Это кровь моя водою
Рвётся с самой серединки
За тобою, за тобою...
Растопились словом нежным,
Раскололись – и поплыли
По изгибам, по надеждам,
Что давно уже забыли.
Губы тают в тёплых водах —
С замираньем ты посмотришь,
Зачарован ледоходом...
И такими их запомнишь...»
(Анна Полетаева)*

Запомнилось одно стихотворенье,
Как истина, как мантра о весеннем.
Его давно подруга написала...
Вот, прочитайте, Анна так сказала...

Памир

А я мечтаю съездить на Памир.
Не он ко мне, так я к нему на крышу,
Туда, где люди синим небом дышат
И на цветастой шали дремлет мир.
Суровый, добрый, бесконечно нежный,
Он, как любовник, что оттуда родом.
Любим судьбою и своим народом...
Вершины гор папахой белоснежной
Пусть даже не увидать мне Памира,
Ведь это вам не Турция какая,
Он ждет меня и ледниками тает,
Когда в мечтах над ним я пролетаю.

Алое

Слезой вчерашней скатится упрёк:
кому кто должен – всё заплатит в срок.
Кого обидел – станет над тобой.
Но не унижит – это Ангел твой.
Ножом разрежет утром небеса...
Кому то алым льёт на паруса.

"Дама с собачкой". Художник Татьяна Помысова.

«Мужчина с широкой спиной и плечами...»

Мужчина с широкой спиной и плечами

Любит меня ночами.

Целует меня так нежно,

Руками меня... под одеждой...

Кажется, звал быть женой.

Может приснилось? Ой!

А в окно лезут ветви чинара.

Комары, нападают сварой.

Ночь августовская в Душанбе.

Было «А». Не случилось «Бэ».

«Пустыня выжгла слизистую...»

Пустыня выжгла слизистую
В носоглотке – горячим...
Кто я такая, чтобы отказывать ему?
Кажется грубым, циничным, а значит —
Не врёт. Да зачем врать ему?
...Я в него вжимаюсь кожей.
И его сжигает тоже?

«Если ты обнимаешь меня ...»

Если ты обнимаешь меня —
Это значит, что я – твой выбор.
Первым ты возжелал меня
И из многих любить выбрал.
За тобою в полночном бреду,
Я нутром устремляюсь нервно.
Если рядом с тобой иду,
Значит, ты для меня – первый...

«Земной, телесный, потный...»

Земной, телесный, потный.

Самый лучший.

И от тебя, всю меня штормит.

Тянусь к губам, прокуренным, зовущим,

Пока душа с душою говорит...

«...Я была твоей добычей...»

...Я была твоей добычей.
Признаюсь себе – была.
Но не птицей, и не дичью.
Я любовь твою брала.
Да и как было бороться
Если ты то Тигр, то Лев.
Провалились, как в колодец,
на виду у всех.

Когда?

Когда же я тебя любить устану?
Забуду тот нелепый поворот,
Кольцо змеи, шальное искушенье
И поцелуями иссушенный твой рот.
Когда же я тебя совсем забуду?
Глаз золото, сердец влюбленных зов.
Ты – солнцелик и радостен, как Будда,
С меня стряхнувший тысячи оков.
Когда же снова я тебя увижу,
Снимающего кожу прошлых дней?
Не упрекну, сомненьем не унижу.
Хочу к твоей груди прильнуть скорей.

«Муза моя, вернись...»

Муза моя, вернись.
Как разошлись с тобою,
Вкус потеряла жизнь...
Я не зову, а вою.

С Крещением

С Крещением хочу поздравить Вас!
С знаменем, с покровом вод над тайной.
Желаю, чтобы Крест коснулся глаз,
Открыв их с зоркостью необычайной.

Он призовет

Он призовет, как приобнимет.
И с нас очки незнания снимет.
От боли нас убережет,
Той, что свербит пока живет.
В ТАКОЙ уход, почти как в чудо,
Пока жива я верить буду.

«Букет». Художник Татьяна Помысова

Прощёная весна

Весну начинаю с прощения.
Довлея к земному дну,
Опять не прошла я крещения,
Прощаю себя саму...

Ко Дню Поэзии

Что для поэта ваше наслаждение?
Тщета и бархат, разве в страсти соль?
Лишь беглых строк ночное наваждение.
Мираж успеха и сомнений боль.
Пиши, Поэт!
Разрежь себя на части
И словом наши души утоли.
За кровь свою не жди от нас участия!
Пророк, провидец, Божий сын с Земли.

Ко дню смеха

Вот Бог опять решил поставить опыт:
Огонь и воду людям посылал.
И холод слал такой, что разом попы
В лёд превращались, в кованный металл.
А эти мягкопузые зверюшки
Всё множатся и радостно живут.
Кусаются, стреляются из пушек.
Обманывают, режут и крадут.
Чума на них не действует, так что же?
Стереть с лица Земли настырный вид?
Давайте-ка, попрыгайте из кожи:
...и подарил корону и ковид.

«Поход в театр». Художник Татьяна Помысова

День Победы

Победы день горчинкой на губах.
И – радость, та что болью на глазах.
И торжество, и выброшенный флаг
со свастиками яростных атак.

Константин Домарев

«Когда кончится свет – навалится тьма...»

Когда кончится свет – навалится тьма.

Когда кончится мир – начнётся война.

Когда угаснет тепло – придут холода.

Когда расстанешься с мечтой – приходит беда.

Когда затухает огонь – то тени легки.

Когда замерзает ладонь – где губы твои?

«Моя душа куда-то отлетела...»

Моя душа куда-то отлетела.
Вокруг меня одно пустое тело.
Жду изменений и погоды то же.
К кому пойти, ну кто же мне поможет?
Мне это всё ужасно надоело.
Фонарик, что всю ночь светил в окно,
И тот угас, мне кажется, давно.
И не стучит сирени ветка в дом,
И не звенит... И я пишу о том,
Как мне становится, по сути, всё равно.
Пойдёт ли завтра вешняя вода?
Взойдёт ли к ночи новая звезда?
На солнцепёке встанет первоцвет?
От незнакомых мне придёт привет?
Какая кажется всё это ерунда.
Когда же тело душу обретёт?
Когда же всё по-новому пойдёт?
Когда покой вернётся и когда
Вновь зазвенят электропровода
И закружит беспечный хоровод?

Остаёмся навсегда

Мы умрём, оставшись жить
В наших детях, наших внуках.
В наших жёнах, что любить
Мы старались даже в муках.
Там, где мы, оставив след —
О себе воспоминанья.
Там, где нас сегодня нет
На пороге мирозданья.
Мы умрём, оставшись жить
В наших книгах откровенья,
Протянув друг другу нить
Слов – порывы вдохновенья.
В каждом звуке отразив
Дней сегодняшних невзгоды.
Сквозь слова звучит мотив.
Сквозь дела проходят годы.
Мы умрём, оставшись жить
В доброй песне тихой ночью.
Кто-то будет говорить,
Что прожили мы не очень.
Это, право, не беда,
Лучше нас живите сами.
Остаёмся навсегда,
Дорогие наши, с вами.

Delete

Я люблю тебя, кнопка Delete
На компьютерной клавиатуре.
Свой косяк, что застрял в корректуре
С лёгким треском куда-то летит.
И свободное чистое поле
Приглашает тебя к исправленью.
Вот теперь ты напишешь такое...
К своему же, опять, удивленью.
Воспеваю хвалу тебе, кнопка,
Гениальному изобретенью.
Твой конструктор придумал, как ловко
Уберечь тебя от пораженья.
Со стыда не соришь. Я прикрою
И тебе ничего не грозит
Если вовремя правой рукою
Не нажмёшь ты на кнопку Delete.

Попробуй

Попробуй встать на колени
И дотянуться до звёзд.
Попробуй забить опоры
И перекинуть мост.
Попробуй считать минуты
Не наблюдая часов.
Попробуй открыть ворота
Закрытые на засов.
Попробуй залезть в колодец
И посмотреть на мир.
Попробуй ходить в онучах
И не стереть до дыр.
Попробуй нырнуть с обрыва
Туда где мелка вода.
Попробуй идти тропинкой
Ведущей тебя в никуда.
Попробуй Девятого Мая
Не вспомнить своих родных.
Попробуй дышать полной грудью,
Когда тебе дали под дых.
Попробуй идти вслепую
И не разбить лица.
Попробуй-ка жизнь такую
Прожить её до конца.

Ольга Горячкина

Зима

Снег идёт. Какое тихое и непостижимое таинство. Где только рождаются эти похожие на мотыльков прекрасные создания. Чья бережная рука покрывает лёгким, пушистым, тёплым покрывалом землю, чтобы сохранить все семена-зародыши будущей жизни. И как упоительно смотреть на эту священную белизну, что скрывает всю грязь, весь ущерб, наносимый человеком земле. Сколько благодетства и чистоты в этом белом, сияющем свете. И земля в этом белоснежном уборе похожа на невесту, на спящую царевну, таящую в глубине жизнь и жаждущую своего принца. Его любовь разбудит сохранённую в ней жизнь и преобразит её в цветущее ликование. Но пока земля спит под надежным покровом и смотрит свои голубые звёздные сны. А снег идёт и идёт... Его снежинки невидимым током притягиваются к земле. Они стремятся к ней со всей радостью жизни и оставляют недолгий, но ослепительно белый след.

Лето

Лето – пора созревания плодов. Природа, как самая щедрая мать, приготовила всем множество подарков. Она радуется и тем, кто трудится на своей земле, и тем, кто спешит за добычей в леса, на реки и озера. Какая страсть захватывает вас на полянке, вдыхающую завораживающий запах земляничника, запрятанного в траве. А как светятся ягоды малины, насквозь пронизанные солнечными лучами, словно редкостные ёлочные игрушечки. И сколько радости в тёмно-рыжих шапочках подосиновиков, или в белых крепышах, вылезавших к тропинкам, спеша вам навстречу. Как золотятся на солнце пузатики-карасики, серебрятся подлещики, сверкают красным опереньем ерши. И скажите, какие садовые красавицы могут сравниться с нежностью и тончайшим ароматом лесных и полевых цветов. Какое богатство красок и форм. И всё это природа отдаёт как дар. Она кормит ещё и зверей, и птиц. И они запасаются на зиму впрок, но надо потрудиться. Природа не жалуется ленивых. Лето – это ещё и время радостного любования. Ах, эти полевые ромашки, эти синюющие во ржи васильки, эти поля остроконечных розовых кипреев, эти пьянящие запахи таволги в лесных ложбинках. А в разнотравье какая разноголосица: что-то пробегаёт, шуршит, стрекочет, тенькает, чирикает; в воздухе что-то зудит, звенит, жужжит, поёт на разные голоса. Да разве

всё перечислить. Вот и малая птаха, трудясь целый день, без устали выискивая личинок под корой деревьев, всё это время радуется и поёт, поёт не переставая. И эта песнь благодарности земле и небу за эту маленькую, но такую удивительную, наполненную и неповторимую жизнь.

О жизни

Ты – сладость и горечь,
Ты – радость и горе,
Ты – тихая заводь,
Ты – бурное море
Мне дорого всё,
Что бы ты не сулила
Чтоб сердце моё
Для тебя не остыло.

Портрет Ламы

(На фестивале «Россия – Тибет»)

Как хорошо смотреть друг другу в глаза и улыбаться!
Слов не надо. Вся душа, как на ладони.
Она чиста, как горное озеро и небо отражается в ней.

Чёрное и белое

Выпал снег и покрыл тротуары.

Я иду и смотрю на белый снег.

Навстречу, по белому снегу идет чёрный негр.

У меня темнеет в глазах от чёрного негра.

И я смотрю на белый снег. Чёрное и белое.

Это всего лишь грани единой жизни.

Необходимый контраст для поиска золотой середины.

Мысли разные

То, что от Земли – тяготеет к земле.
Но то, что принадлежит Небу стремится ввысь.
За человеком всегда остается свобода выбора.

Пусть наша душа прислушивается к тихому голосу
Ангела,
который всегда с любовью направляет нас и спасает в дни
наших бед, трудностей и неудач.

Мы будем учиться из жизни в жизнь, пока не увидим
всё содеянное нами своими глазами и тогда спросим —
где же мы были раньше!?

Хотелось бы весь мир обнять,
Да только вот умишко мал,
Да руки короткие.

Олег Польш

Как лист увядший падает на душу...

*Несмотря на посыл – посвящается Франсуа
Вийону*

Как лист увядший падает на душу,
Летит ко мне стремительная тень.
Смотрю навстречу, и почти не трушу —
Не каждый день такая хренотень.
Больная совесть? Вовсе не похоже,
Жалеть себя не принято у нас.
Я вспоминаю прошлое без дрожи
И в зеркало смотрю, не пряча глаз.
Но не хочу о прошлом. И не надо.
Пришла пора пускаться в новый путь,
Толпу вокруг окинуть трезвым взглядом,
И средний палец тихо разогнуть.
Писал бы дальше, но уже пора
Встречаться шее с кромкой топора.

Баллада о смерти

Разговоры о смерти всегда беспредметны по сути,
И зимой, и весной, и в мороз, и в туман, и в жару.
В этот день, как и впрочем, всегда, я опять на распутье:
Да, пока я живу, но когда-нибудь – точно умру.
Наслаждаемся жизнью во всей полноте мы до срока,
А конец её где-то вдали, как какой-то пустяк.
И поскольку в крови человека нет генов пророка —
Мы живём, и не знаем, когда, почему, где и как.
День за днём чередуются сутки, то часто, то редко,
Но наступит момент неизбежный, когда без затей
Нам судьба, то есть жизнь, сунет в нос зачернённую
метку,
Разыграв лотерею из множества разных смертей.
Кто-то помер от водки, а кто-то погиб в рукопашной,
Кто-то лопнул от жадности, деньги чрезмерно любя.
Только всё это, вам я скажу, совершенно неважно,
Важно то, что потомкам оставим мы после себя.
Так один, не жалея себя, просто делал, что может,
И оставил свой след в полной мере таланта и сил.
А другой жил как есть, как на душу кривая положит,
В результате он попросту в жизни слегка наследил.
Наследить – не проблема. Оставить проблемой бывает
След такой, чтобы впредь с уважением было кому
О тебе вспоминать. Только это не все понимают.
Почему это так – я и сам до сих пор не пойму.

Ну а те, кто ушли, сверху смотрят на наши потуги,
И смотреть им на нас, я уверен, довольно смешно.
Только я ещё жив, не нуждаюсь в спасательном круге,
И попасть в их число раньше срока не рвусь все равно.
Но не думайте, братцы, что я повернул на попятный,
Не боюсь ни костлявой, ни связанных с ней процедур.
Я почти там бывал, и согласен, что да, неприятно,
Но отнюдь не смертельно, простите за мой каламбур.
Только хочется знать мне, когда, пусть хотя бы до года,
(Это хочется всем, кроме самых последних тупиц)
Окажусь я, внезапно пройдя краткий миг перехода,
Окружён чередой знакомых смеющихся лиц.

«О, Цезарь! Ты меня спросил про Спартака...»

О, Цезарь! Ты меня спросил про Спартака.
Угроза для страны, конечно, велика.
Но глупо всем подряд твердить про оккупантов —
Враньё не сможет нам помочь наверняка.

Рыцарям Аст-Ахэ посвящается

В ночном лесу стоял отряд
В недобрый год.
О смелых часто говорят
Что им везёт.
Но все имеет свой излом
И свой предел,
И ночь ударила дождём
Эльфийских стрел
Остра эльфийская стрела
Но меч острей!
Никто не смеет умирать.
И ты не смей!
Пока останется и впредь
Тверда рука,
Стрела не сможет одолеть
Металл клинка.
Под градом стрел отряд полёг.
Момент настал —
Стрела легко сбивает с ног,
И наповал.
Никто из тех, кто драться мог,
Не отступил,
Вложив в отчаянный рывок
Остаток сил.

* * *

Кто был живой, теперь погиб
Лежит в крови
А ты увидишь этот клип
По Эм-Ти-Ви.
И не забудь, что он убит,
Сомнений нет,
За твой уютный тёплый быт
И туалет. Перебирая те года,
Где льётся кровь,
Спешим заглядывать туда
Мы вновь и вновь.
Поскольку спрятан под замком
Простой ответ:
Тем, кто со смертью незнаком —
И жизни нет.

Элла Егорова

Цвет судьбы

Когда бы можно было предсказать
Цвет светофора по судьбе зелёный,
А жёлтый можно было б переждать
И не спешить отчаянно на новый.
Хоть радугой порой раскрашен век,
Не избежать нам полосы тигровой.
То светлый на пути, то тёмный цвет.
И цвет судьбы, наверное, лиловый.
Но опасаясь, без тернистых троп
Не ощутить ни цвета, ни покоя.
Не зная слёз, нам радость не понять.
И без сравнения не постичь иное.

Коронавирус

Так неестественно, что шумная Москва
Наполнилась безликой тишиною.
Вдруг опустели улицы, дома
Обречены печальной молвою.
По всей планете вирус загулял,
Он с виду молод, но уже в короне.
Коронавирус горечью достал,
Но мы готовы к стойкой обороне.
Мы устоим! Пройдет эта пора!
И жизнь подарит радужные краски!
И зацветёт черёмуха тогда,
А солнышко пошлёт тепло и ласку.

Поверь

Когда теряешь близкого, родного,
В душе твоей он ранг займёт святого.
И лучезарно память будет петь,
Что невозможно было умереть.
Но он ушёл, не выходя из сердца,
Хотя за ним закрыта уже дверца.
Внутри тебя тоска воеет, как волки.
И не собрать из прошлого осколки.
Горька утрата родственнику, другу.
Ну, а Земля, она идёт по кругу.
И не сокрыться в жизни от потерь.
Рубцует время раны, ты поверь.

Октябрь

Река ребрит и серебрится
И туча над рекой висит.
По склонам берега, желтея,
Трава осенняя лежит.
А воздух напоён прохладой.
И пахнет осенью уже.
Природа разноцветью рада,
Когда октябрь в календаре.

Новый день наступит

Сегодня я от солнца пробудилась,
Шагнувшего ко мне через окно!
И солнечные зайчики игриво
Мне дарят своё нежное тепло.
Не расплескав, несу я на ладонях
Природы нескораемый рассвет.
И верю! Завтра новый день наступит
И мне подарит радужный букет.

Про нас...

Сегодня птицы зачирикали запели.
Так рано. Полчетвёртого сейчас.
Не спится, что-то ночью, эти трели
Про дружбу говорят мне и про нас...

Опять рассвет

Хочу, чтоб много удавалось.
Побольше счастья и тепла.
Задуманное, чтоб сбывалось.
Чтоб завтра – лучше, чем вчера!

Жизнь – бесконечная полоска,
Как ночь и день меняет цвет.
Добавьте радуги немножко
И будет радостным рассвет.

Новизна

Порой влечёт нас новизна.
И что же там, за гранью зыбкой?
Беспечность бабочки, когда
На яркий свет спешит с улыбкой.
Или совсем неожиданно вдруг
Откроется судьбы страница
И унесёт любой недуг,
Чтоб с чистого листа родиться!
И расцветёт твой сад души,
Встречая радостные грёзы!
Минуют пусть тебя шипы,
Даря лишь ароматы розы!

Весна

Весна радостно пробуждается
Зеленеющих веток приветом.
Одуванчики просыпаются
Ярко-жёлтым солнечным цветом.
А черёмуха нежно-белая
Пряным запахом пьянит!
И весна сокровенно-смелая
Нас, чаруя, с природой роднит!

Первый раз

Сегодня день, похожий на вчера.
По-разному возможные заботы.
А завтра будут новые дела —
Беру от Жизни настроенья ноты.
Мелодии, аккорды наслуху.
Мне интересны день, и ночь, и утро.
И свет, и тень, и запахи Весны!
Я первый раз живу на свете будто.
Я не хочу себя менять в мечте:
Иду послушно следом Сокровенью
Несу я солнышка лучи в душе,
Которые не подлежат сомнению!

Мечты...

Я просыпаюсь: Сразу на балкон.
Там каждым утром птицы распевают.
И добавляют трели! Нет, не сон!
О радости, о жизни сообщают.

Прохладен день, лениво солнце спит,
Укутавшись в своё тепло за тучи.
Но если моё сердце заболит,
Оно согреет ласково, певуче.

И будут солнцу вторить все цветы
И одуванчики, едины цветом!
Пускай сбываются заветные мечты.
Но только надо очень верить в это.

Мне кажется

Мне кажется, тебя давно ждала
И возраст нашей встрече не помеха,
Наоборот, всё глубже и сильнее,
Хочу тебя объять, как будто эхо.

Ты многогранен для меня, как Мир.
И я на цыпочки встаю немного.
Хочу постичь тебя! Но нету сил:
В сомнениях отступаю одиноко.

А утром просыпается рассвет.
И мысленно с тобою рядом,
Я из росы несу тебе букет,
Чтоб обменяться радостью и взглядом.

Израиль

Страна, иссушённая жаждой надежды,
Народ, обретённый скитаньем веков,
К свободе евреев и миру, и чести
Дошёл босиком, разбив ноги в кровь.
И круглый наш шар, что Землёю зовётся,
Тебя утвердил, независим народ!
И сердце твоё, что ударами бьётся,
Вместил ум, терпенье и праведный код.
Всегда начеку и всегда в опасеньи.
Ты к солнцу молитву свою вознесёшь,
Чтоб было согласие, мир и везенье
И чистое небо для будущих грёз.

Кирилл Рожков

Радика

До сих пор помню этот удивительный и не знаю уж чем объяснимый случай... Мне стукнуло тогда лет одиннадцать или двенадцать, точно не больше. Я ехал в зимнем замёрзшем автобусе, возвращаясь с занятия из какого-то кружка или секции. Всё вокруг было молчаливо, деловито, обычно для такого времени года. Автобус катил, вечерело, а я сидел возле заиндевелого окошка. Невольно поводил глазами, повернув голову, посмотрел вокруг. И в частности увидел эту женщину. Она сидела тоже у окна, в некоей «противозоне». То есть можно было отчетливо увидеть её только если взглянуть одновременно назад и наискосок. Она была молода, но точнее про неё все же следовало сказать «женщина», а не «девушка». Впрочем, в том возрасте все взрослые, подозреваю, казались мне старше... И всё-таки, наверное, это была действительно дама уже в «женском», а не «девичьем» возрасте. Разве только если в самом «позднем» периоде последнего. В шубе, сапожках. И, как бы сказать... Пушисто-морозная. Нет, такой её вряд ли сделали погода и обстановка. Возможно, только добавили более выразительных «красок» в образ, а женщина всегда оставалась такой. И зи-

мой, и летом – одним «цветом». Красивая, с пухлыми элегантными губами, укутанная в меха, как Венера. А почему я так запомнил её? Вряд ли она бы запомнилась, не случись совсем неожиданное... Она улыбнулась мне. Да. Почему-то просто в ответ на то, что я дважды оглянулся так по салону. Непосредственно после того, как наши взгляды случайно слегка встретились. Она явно обратила на меня большее внимание, чем я на неё. И как будто нечто необычное подумала обо мне. Нечто неозвученное... И улыбнулась. Улыбка тоже была особая. Дополняющая образ, который теперь запечатлелся у меня, моментально и полно, как сфотографированный. Чтобы уже потом, часами и днями, проявляться, как на бумаге, опущенной в ванночку, каждой деталькой. Улыбка её лучилась нежностью – однозначно. И в то же время – потянула всё такой же зимой почти физически. С чуть-чуть, но отчётливо вкравшейся насмешинкой. Таилась ли в этой улыбке еще порочность или что-нибудь типа? Полагаю, что нет. Или только в ничтожнейшей доле. И тут же красавица отвернулась. Эдак спрятала глаза в сторону, и морозное солнце мерцнуло в стеклах элегантных очков. То ли сама застеснялась собственного мимического дара, а то ли – не хотела уже дальше смутить меня, пацана-одиннадцатилетку. Однако сложилось отчетливое впечатление, словно она усмотрела в моём оглядывании в ее сторону некую игру, импровизированно брошенный знак... И будто приняла мой знак и – вот так понимающе отозвалась на него улыб-

кой, которую не смогла сдержать. И – тотчас смущенно отворотилась после всего содеянного между нами – «содеянного» молча, одними глазами... Хотя я вовсе и не думал что-то «сказать» своим взглядом... Мы явно поняли друг друга несколько по-разному – факт... Да и дальше мысль вообще терялась. Чем мог я в те сопливые годы обратить на себя внимание женщины, прошедшей земной путь на треть? Немного слепяще красивой, как искрящийся снег, словно тонкий луч на оправе её очёчков... С искренне мягкой, но не менее искренне чуть-чуть, самую малость глумливой улыбкой. Однако именно эта-то малость делала последнюю особой изюминкой, которую-то и невозможно было не считать с лица, – крошечное круглое зёрнышко чёрного перцу в борще, как раз и дающее ему цимес. Больше ничего не произошло. Я вышел на своей остановке. И всё. Грешный аз, ясно-понятно, больше ни разу не видел ту женщину. А её голоса я не слышал, как вы поняли, и вообще никогда. Равно как и она мой. Наше молчаливое странное «знакомство» состоялось в течение времени, за которое можно раскурить трубку – не меньше, но и не больше. А дальше миновало два десятка с лишним лет, и много чего происходило...

Полгода назад я сидел в социальной сети, и вдруг моё внимание зацепило нечто на «местном» баннере. Я посмотрел туда внимательнее. Там светилась рубрика «друзья Ваших друзей – может, вы знакомы или могли бы познакомиться». Ничего вроде особенного... Я просто мельком взглянул

на мужские и женские лица на тамошних «аватарках» и... Увидал одно. Женское. Нет, я вовсе не «долго и мучительно» размышлял. Я тотчас вспомнил, что этот улыбающийся лик совершенно недвусмысленно напоминает то лицо в обрамлении меховой опушки, которое я видел в автобусе сопливым пятиклассником. Лицо той, которая загадочно показала мне незабываемую на всю жизнь улыбку, хотя по возрасту почти годилась мне в мамы. Я «кликнул» по аватарке. Оказалось, что эта женщина значилась в друзьях у моей знакомой, служащей юристом в медицинской сфере. Я зашел на её страницу. Ей оказалось примерно столько лет, сколько мне, так, чуток постарше. Жила она в Молдавии. Звали ее Радика. А фамилия... Иметь такую фамилию в России считай – не иметь никакой. Я смотрел размещенные другие фотографии. Да, она была буквально такой же. Пушистая и – холодная. Иначе, господа, опять не скажешь. Улыбка. Та самая. Во всех нюансах, уже переданных мною вам. Даже очки – с узкими небольшими стеклами, в тонкой металлической оправе. Элегантные пухлые губы, создающие эту улыбку. Тёмные, блестящие волосы, стрижка каре. Руки в боки перед камерой фотографа. Некоторая весёлость в данной позе, и явная небольшая подчеркнутость этого «позёрства». Немного надменно-гордый подъем головы чуть вбок и вверх. И нос малость сморщен как бы от солнца. А усмешинка – над всем, включая саму себя, в намеренной самоироничной ломливости у объектива. Смешок над бранным миром и в то же

время – нечто, переходящее в неподдельную нежность, когда так и сверкнули лучистые глаза за плоскими стеклами модных очков. Бусики на шелковой шее. Короткая, словно небрежно прикрывающая полные бедра туника, и из розовой туники свисают длинные теплые ноги, оканчивающиеся игривыми босоножками. И снова одна обнаженная рука уперта в бочок, тонкая, гибкая. Вот Радика примеряет шляпку в салоне. А вот – в польском костюме на каком-то празднике. А тут – вышедши из бассейна, стоит на его краю во весь рост, еще мокрая, снова ярко освещенная. И солнце играет в белозубии, и в то же время как будто чуть остужается слишком жаркий день здесь... На следующем снимке – Радика с молодыми мужчинами рядом. А знакомая и знаковая улыбка еще шире – какая я счастливая, у меня два кавалера... А вот – под руку уже с одним ухажером стоит она, все в том же платье-тунике. Он вовсе не веселится на фотографии вовсе, корча гримаску, как те двое. Невооруженным глазом становится видно: там, втроем, – была просто мимолетная компания, шутка, а здесь – нет. Это – настоящий кавалер, жених. Руки сцепились нежно и одновременно крепко. А вот они даже спозировали в фотостудии, забравшись в фигуры-трафареты в фате и фраке. Просунули сзади свои лица в отверстия «картонок» и запечатлелись. Да, приколы, и в то же время – с долей правды... Наметка на будущее... Я посмотрел на страничке образование девушки. Значилось – Кишиневский институт кибернетики и информатики. А по-

том в телефонном разговоре я спросил про Радикку ту свою знакомую, в друзьях у которой последняя и значилась. Ольга поведала мне, что Радика – двоюродная, кажется, или уж сколько-юродная там (я точно не очень и уловил...) сестра ее однокурсника по юридическому. Кузина, короче. Но нет, сказала мне Оля твердо. Извини уж, но я не стану вас знакомить. У Рады – жених. А у тебя к Раде, я вижу, мужской интерес! Как неподражаемо сие прозвучало... Ох, женщины, с вашей особой пронизательностью и интуицией на подобные вещи! Я не обиделся на Ольгу. Столь застенчивый внешне и одновременно столь непоколебимый внутри голосок хрупкой юристки, произнесший фразу про «мужской интерес», раздался настолько неподражаемо, что тут невозможно было обижаться. Только умилиться и – действительно невольно стать серьезнее... Что жених – это я уже понял и так по фотосессии. И что Радика того, мужского интереса то есть, очень даже заслуживает, как добавила еще Ольга, мол, вполне понимающая и меня, это, конечно, тоже казалось безусловным... И все-таки я сам осторожно предложил Радике дружбу. По переписке. Через интернет, соединяющий ведь и не только Россию с Молдавией... Но Рада молча отказала мне в дружбе. Однако я опять почти не обиделся. Ибо логично рассудил: а вот я – включил бы в свои друзья совершенно незнакомую девушку, напиши она мне откуда-нибудь ни с того ни с сего? Вряд ли. Так почему же я должен был сердчать на Радикку? Сколь закономерен оказался мой ход

мысли – решать уж вам, дорогие читатели... Однако я снова вглядывался в ее снимки. Все та же легкая горделивость, прохладная надменность, усмешинка над миром и над собой, самоироничная вычурность позы, чуть колючая ослепительная красота. Снова изогнутая изящная рука, маленькая сумочка сбоку... И жених, в бежевом. Я не удержался и написал в комментариях к фото: «Джентльмену в кремовом пиджаке очень-очень повезло». Лаконичная фраза как будто прозвучала шепотом. Нарочито преспокойным, вкрадчивым шепотом, ошеломляющим своей тихостью и одновременно твердостью. Иначе, чем таким шепотом, трудно было бы ее передать, кабы требовалось не написать ее, а – произнести вслух. Само напрашивалось. Шепотом подчеркнутого достоинства другого джентльмена, – который умудрённо сознаёт, что не имеет права рассчитывать на нечто большее, чем подобный комплимент, ежели сама та, которой он говорит сие, уже явно по доброй воле и не по принуждению (о чем свидетельствует все та же счастливая улыбка и на этом снимке!) неподражаемо сильно в то же время влюблённо держит под руку его, в кремовом пиджаке... Однако – второй джентльмен не может все-таки отказаться произнести такое, признаться подобным образом. Спокойная джентльменская смелость, не могущая в то же время не польстить ей, в розовой тунике. На следующий день я увидел поставленные «пятерки» и своим фотографиям на моей страничке... С аватарки гости, визит которой показал «радар», смотрело, разу-

меется, то же лицо. Она улыбалась мне с фотографии, уже не смогая после моего комментария не навеститься виртуально ответно. Тогда, в автобусе, конечно, мне встретилась другая женщина, по ясным каждому причинам. Однако в то же время они обе были настолько похожи, во всем. И в главном, выражающемся без слов... Я-то теперь, получается, произнес ей несколько слов. Короткую, но ошеломляющую переплетением невольно порождаемых ею чувств фразу. Нарочито скромную и тихонькую, как весенний гром... Что последовало дальше? Ничего особенного. Ведь у Рады есть жених. И она – уроженка Молдовы. Но иногда мы теперь заходим друг к другу на страницу. И снова обоюдно ставим оценку «отлично» за новые снимки... Как все равно воздушными поцелуями обмениваемся. Мы смотрим друг на друга нежно. И улыбаемся. Без слов. Как тогда, в автобусе. Впервые в моей жизни. Неожиданно. Странно. Мимолетно. Непохоже ни на что. Так и скрывшись в пространстве и времени. Тем не менее, когда я снова смотрю на это лицо, я отмечаю все то же странное раздвоение. Столь по-настоящему человеческую нежность с одной стороны, и с другой – не менее отчетливую крошку льда, блестящую уже с угла улыбки и во взгляде, ухмылку, которая почти спряталась... И затаила непроговоренное, невыразимое... Невыраженное, а потому – настораживающее. Так что же бросает в холодок? И что победит здесь, в этом лице, в конце концов? Человеческое – или?.. И тот костюм цвета беж. Рядом. Под руку. Под ру-

кой. И – столь далеко от меня, свободного и беззаботного... И я вдруг отчетливо думаю, что все-таки тогда, пожалуй, несколько слукавил. (Вовсе не имея в виду внешнюю красоту.) И что, как поется в шотландской песенке, – если к другому уходит невеста – то неизвестно, кому повезло...

Мы едем к тебе

(Сказка 16+)

В юности я жила с папой и мамой в двухэтажном доме среди яблоневых садов. Почти каждый август мы собирали большой урожай.

Мой папа был художник, но также понимал кое-что в технике и являлся в ее области тоже весьма творческой личностью. Мама рассказывала, что когда я еще, совсем маленькая, ездила в колясочке-колыбельке, папа придумал нечто простое и гениальное. Он привязывал к моей колесной колыбели ремешок для штанов и – вдвойне облегчал работу по качанию меня. Только тянул к себе за ремень, а обратно моя колыбелька качалась своим весом. Папа же сидел рядом на садовой скамейке или табуретке, курил любимую душистую трубку, забавно ее грызя, а свободной рукой мог даже набрасывать какие-нибудь эскизы.

Папа. Художник Кирилл Рожков

Папа всегда всё машинально зарисовывал. Носил с собой в карманах кучу пергаментов, блокнотов, перо и карандаш. Смотрит на деревья в саду – возьмет да набрасывает себе яблоню и радуется. Потом приезжал обозреть окрестности губернатора и выступал, стоя над садами на огражденной площадке поднятой лестницы пожарной машины. Он вещал в прикрепленный к площадке же мегафон. Папа вместе со всеми слушал его, а пером машинально, штрих за штрихом, деловито набрасывал на бумажке – губернатора – высоко, над пожарной машиной.

А для сбора яблок папа изобрел специальный маленький лифт. Он был устроен в виде поднятой к небу длинной доски, через привинченный маленький блок на вершине которой проходила крепкая веревка с привязанными к ней двумя большими металлическими кружками или кастрюльками. Мы с мамой, греясь на солнышке, в шелковых пеньюарах, стояли на верхних ступеньках двух стремянок, а между нами находился этот самый лифт. Когда в верхнюю кружку мы кидали достаточно яблок, она своим весом опускалась вниз, а вверх, автоматически, поднималась другая. Внизу папа довольно разгружал опустившуюся кружку и ждал следующую. Из яблок мы варили в саду варенье в котле, переоборудованном из большого тигля. Также делали сидр – для чего я или мама набивали яблочным суслом крупную бутылку, а сверху надевали сдутый резиновый праздничный шарик. Бутылки убирались в погребок, и оставалось только ждать, когда шарики над ними надуются, аж готовые взлететь, а потом – опять спустятся.

Я очень любила папу. Мы часто сидели с ним рядышком ввечеру на садовой скамеечке, наслаждались приятной прохладой. Смотрели на раскинувшиеся вокруг яблоневые лесопарки, с одной стороны таинственно темные, а с другой – немного освещенные разлитым заревом свечей Яблочкова. У папы была длинная приятная шелковистая борода. Мы говорили за жизнь, он грыз свою трубку, а я, под стать ему, грызла или лизала леденцового петушка на палочке. Иногда

вдруг далеко за садами включался, погромыхивая и похоложивая спины, какой-то дизельный двигатель. Он подолгу та-рахтел, разливаясь по округе волнами эха. И папа говорил, что его источник никуда не едет, а, судя по звуку, находится неподвижно в некоем не видимом нам отсюда месте. Но зачем он включался и кто его запускал?

Проснувшись утром, папа потягивался, а затем, сбежав с крыльца, зачастую стихийно прокатывался по садовой дорожке «колесом» или делал стойку на руках, упершись ногами в какую-нибудь крепкую яблоню. Мама в это время варила сладкую манную кашу приятной гущины или готовила из бродильных молочных продуктов мороженое, которое подавала в серебряных вазочках мне и папуле. После завтрака папа любил поработать под солнечными лучами, в тени ветвей. Он устанавливал мольберт, воткнув его в мягкий дерн тремя острыми ножками. Я украдкой смотрела, как он рисует. Держа в левой руке палитру, а в правой кисточку, он так и приплясывал вдохновенно у мольберта, явно влюбленный в себя, свою работу и ласковый мир вокруг. Иногда он даже напевал, потому что, наверное, пела душа. Набрасывая пейзаж с цветами – с желтыми крупными лепестками как бы двух слоев, с более яркой «сердцевиной» и – на высоких крепких сочно-зеленых стеблях, папа выводил приятным баритоном, стихийно дирижируя кистью и движениями собственной головы: – Я художник! Й-а художник, я худо-о-жни-ик!.. Потом папа рисовал уже меньше, но часто садился

на мопед и уезжал в город, в издательский дом, где теперь заведовал оформительским отделом.

А затем идиллию нашего сада прервали сообщения репродукторов о военных конфликтах с варварами Юго-Восточных островов. Я переживала, «болела» за солдат, отправляющихся туда. Я знала от мамы, что наш флот крепок, но слышала также, что варвары любят идти на абордаж. Потом снова высоко над садом подняли мэра с мегафоном на одной из пожарных машин, а на другой, на такой же высоте, сидел на площадке шестифутовый волосач в каске, олицетворяющий собой войну. И тогда стали закрыты для больших колонн, караванов и полетов дирижаблей и юго-западные области, после ряда локальных конфликтов. Если в свое время в таежных землях Ягли тамошнему монарху удалось удержать ту автономию, где центром был скальный город, а мужчины ходили в клетчатых пончо; то у наших не получилось добиться понимания с тем далеким краем, где в свое время началась история освоения земель Рута и Испак.

Локальные конфликты во многом прервало начало странного явления в атмосфере. Ученые на своих вышках и главное – в специальном наблюдательном подвале села Радапог синхронно засекали изменение магнитного фона в тропосфере. Что это означало, я еще не понимала. Да понимал ли до конца кто-то вообще, включая даже бородатых уважаемых мужей в академических колпаках? Я закрывала глаза, и мне так и представлялся Радапог, славившийся самыми

точными данными измерений: винтовая лестница в штольню, в которой, под базальтовыми плитами, качался сутками напролет маятник Фуко и щелкали хронометры и волосяные влагомеры. И надо же – эта штольня, известная на весь мир – среди такого маленького с виду поселка.

Мама тоже любила папу. Но я чувствовала что-то... Чувствовала, что не всегда всё было у них ровно и мирно. Впрочем, говорят, совсем мирно и не бывает, коли это жизнь, а не застывшее болото?.. И всё же... Я ведь не обо всем могла заставить себя спросить. И пока – меня встречал очередной очаровательный рассвет над садами и одна и та же упоительная песня любующегося собой и тем фактом, который он выпевал, папы, возле мольберта, с кистью в руке: – Я – художник! Я художник, й-а худо-о-ожни-ик! И, набросав очередную разноцветную мазню, отец отдыхал на скамье, грызя трубку.

Происходили экономические реформы, в основном когда стали меняться направления торговых морских караванов судов и колонн фур. И тогда папа с его приятелями поступил в какой-то бизнес, о котором он мало нам рассказывал. Картель – кажется, это называлось так, модным словом. Он упоминал торговые отношения с северным Ягли. И – что некогда фуры катили на юг даже до самого Вейка. Но я не очень поверила. Я знала, что Вейк считался достаточно древним поселением на южных границах нашей, так сказать, империи; что, в сущности, в каждом четвертом из нас течет кровь от-

туда. Однако сейчас слово «Вейк» смахивало на нечто неясное и пугающее, чего даже уже не значилось на большинстве карт. Я спросила у мамы, в чем там дело, но она то ли правда толком не знала, то ли не хотела говорить.

А вот папа рассказал, что комплексная природно-техногенная катастрофа под Вейком произошла непосредственно тогда, когда началось это донныне наблюдаемое и беспокоящее весь мир, не только ученый, явление – с каждым днем увеличивающееся магнитное поле тропосферы. Папа показал мне снимок ночной земли со стратостата. Города и села светились огнями, а там, где, по идее, далеко на юге должен был находиться Вейк, простиралось необычное сероватое пятно. Как будто свет расплылся и пригас.

Больше мы толком это не обсуждали, но научные новости сообщали, что накопление магнетизма в тропосфере продолжается. Медленное-медленное, по лёгонькому колебанию стрелки в день, однако – неумолимое. Моя мама свободно владела несколькими языками, и как раз когда папа пошел в картель, меня тоже направили по стезе изучения языков. А «интенсив» происходил у нас неподалеку – по другую сторону яблоневых садов. Занятия в кампусе начинались рано утром, и одним из первых приезжал на велосипеде ректор. Приковывал его цепью на парковке у кампуса, снимал с головы постоянный шлем с литой парой медных рогов и быстро вбегал в свои апартаменты. А потом появлялся механик Ариэль – показывать нам учебный кинофильм в боль-

шом зале или просто видеофильм с диска. Почему его прозвали Ариэлем, никто толком уже не помнил, но кличка эта переходила из поколения в поколение учащихся. Возможно, потому, что это был летающий механик: если ректор прибывал почти всегда на велосипеде, в шлеме с медными рогами, то механик – прилетал, привлекая всеобщее внимание поднятых молодых голов, жужжа над бескрайними садами. Он парил на легкомоторном планере с дополнительным педальным приводом – вроде как на том же велосипеде, только в небе с крыльями. Крутил привод, восседая среди белого шелка – вальяжный, с толстым брюхом, красноватым шершавым лицом, обширной лысиной и потной седой гривкой волос. Мне нравилось учиться, особенно когда на интенсиве лекции проходили прямо на открытом воздухе, на траве возле поля. И я познакомилась с Марианной.

Она тоже училась на полиглота, только была заметно старше меня, с куда более основательным прошлым. Марианна была среднего роста, всегда с сигаретой. Коротко постриженные темные волосы, тонкое золоченое пенсне, большие карие глаза, пухлые ярко-красные губы, в меру крупные грудь и ягодицы. Она любила носить белые одежды. Мы играли после занятий с ней в капустки, карты, и она всё обещала погадать мне на картах или на чем-нибудь еще.

Марианна невольно стала старшим товарищем. Я еще была по сути соплюшка, а она – молодая, но замужняя, с детьми. Она казалась среди нас, сопливок – ого-го!

И всё бы продолжалось замечательно, если бы к нам в сады, в один из соседских теремов, не подселилось семейство, где жила девка по имени Фаина. У нее была пара неразлучных подруг-амазонок. Фаина заметила меня, как я провожу время, обычно сидя возле центральных аллей на лавочке, читая, слушая музыку или греясь на солнышке, и начала меня изводить. Подрулит вместе с двумя амазонками, выхватит книжку и швырнет ее. Покажет мне на платье – что, мол, тут у тебя, я наивно посмотрю, а она схватит со всей силы за нос и молча, жестоко крутит. Амазонки же мерзко громко смеются, холуйки. Я, чуть не плача, напрямую спросила ее:

– За что ты меня так?

Фаина в ответ изумленно повторила:

– «За что?»

После чего все трое начали паскудно хохотать, а Фаина злобно сказала:

– Да за всё хорошее! Ты на себя-то посмотри – ты же курица занюханная!

И ушли. Дав вот такое объяснение. Что я ей сделала? Трогать ее ничем не трогала, – сидела у аллеи да книги читала. За что она меня ненавидела?! Вскоре я узнала, что у этой Фаины папа не то мама тоже в каком-то картеле. Вечером и ночью она, с амазонками или без них, ехала на берег в клуб, где танцевала под мерцание стробоскопов и выступление музыкантов. Поэтому часто ходила в пристегнутых сандалиях и ситцевых платьях.

Но иногда они трое не шли в клуб, а просто бродили по аллеям яблоневых лесопарков. Добирались даже до самых дальних их мест, где находилось кладбище, частично действующее, а частично заброшенное. Там они шатались от надгробья к надгробью, а часто сидели втроем на дальних могилах. Особенно их привлекали те плиты, которые заросли коноплей. Они торчали там втроем, иногда с парнями, пуская по кругу фляжку с вином или замысловатую трубку.

А потом возвращались по освещенной мощной свечой Яблочкова аллее, тихой и пустынной, под сенью кипарисов. И впереди так и плыла спортивная Фаина с походкой почти манекенщицы, в сандалиях с длинными ремнями. Ее поступь олицетворяла стихийное постоянное самолюбование.

Последней каплей стало, когда все трое опять подвалили ко мне, сидящей на скамейке под потушенной днем свечой Яблочкова. Фаина молча взяла поднятую с земли бензиновую тряпку, очевидно, от чьего-то автомобиля, и принялась так же безмолвно, легонько трясясь и задыхаясь от ненависти, душить меня ей, набросив мне ее на лицо и волосы. А амазонки, само собой, с готовностью подстраховывали, чтобы я не могла оказать ей сопротивление.

Я долго терпела и не хотела показывать этой суке слезы. Но теперь не выдержала. От такого оскорбления я залилась слезами. Фаина, увидев это, довольно усмехнулась. И я все-таки, хотя и боялась агрессии со стороны амазонок, выхватила у нее мерзкую тряпку и дала ей с размаху по Фаининому

лицу. Все трое застыли. В страшном, ошарашенном изумлении на столь неслыханную дерзость. У Фаины малость вылезли из орбит глаза. Она приклеилась к земле сандалиями. Однако затем овладела собой и с холодной ненавистью, негромко и четко, сказала мне:

– Ну вот и всё. Теперь я тебя убью!

И я испугалась. Я реально испугалась. И тут... тут кто-то появился рядом. И крикнул:

– Эй, ты, Фаина-Фай-на-на! Не смей! Это подло и нечестно!

Они трое машинально обернулись, как на шарнирах. Там стояла Марианна, моя подруга по кампусу. Она вступилась за меня! Но чувствовалось, что они не очень-то боятся ее появления. Как можно было на них повлиять?

– По крайней мере, ты можешь вызвать Наташу на бой по всем правилам! На берегу, на палках! – сказала Марианна.

– А что, идея! – бросила Фаина после паузы.

– И я буду ее секундантом! – решительно заявила Марианна.

Они согласились. Я была жива. Однако мне всё равно стало страшно, потому что теперь предстояло биться со спортивной Фаиной. Но – со мной была прекрасная душой Марианна! В тот же вечер мы все пришли на назначенное место – на песчаный довольно обширный пляж возле реки. Фаина была всё в том же клубном платье, не успевшая переодеть-

ся. А я – в бриджах-кюлотах. Моим секундантом стала, как обещала, Марианна, а ее – одна из амазонок.

Нам выдали по твердой неломаящейся палке одинаковой длины и толщины, объяснили правила. Затем предложили освободиться от одежды, которая может мешать, и Фаина без стеснения скинула платье на песок. Я невольно смотрела на ее почти совсем теперь обнаженную фигуру, подтянутую, гладкую, натренированную, на ее длинные пружинистые ноги и гибкие руки. Она хищно держала палку и глядела насмешливо и агрессивно.

Я тоже взяла палицу. Не важно, – помнила я слова Марианны, – чем кончится поединок. Не сдавайся сразу, а даже если проиграешь – всё равно ты с честью приняла бой! Это главное! И мы схватились, палка ударила в палку. Я билась и махала палкой как могла, но, конечно, я быстро проиграла. Кто я была? Любящая мирную идиллию читающая рохля, боящаяся драк и так легко пугаемая чужой агрессией, и – она, самоуверенная, злобная, явно имеющая опыт потасовок и вообще физических тренировок. Вскоре я лежала навзничь на песке, моя палка валялась поодаль, а немного потная фигура Фаины стояла надо мной, расставив ноги и победно усмехаясь.

– Ну что? – сказала она, глядя на меня сверху. – Теперь выбирай сама – убить мне тебя или пощадить?

И я – попросила не убивать. Да. Возможно, кто-то бы пошел по закону чести до конца и попросил себя убить, но я

этого не сделала. Я не хотела умирать. И пусть я проиграла бой, но даже с такой психотравмой я желала жить. И она не убила меня. Я встала с песка и тут... Не знаю, почему я вдруг решилась на это. Может, морально сказалось присутствие Марианны?

– Но, Фаина, мы встретимся с тобой еще раз! Здесь же! В конце этого лета! И у нас будет второй бой! Теперь я вызываю тебя!

Фаина опешила. Тем не менее заценила мою решительность. Она холодно усмехнулась и ответила:

– Что ж, принято! В августе, здесь, по таким же правилам! Ждем! И я приду!

Мы стояли рядом с Марианной. Она дымилась сигаретой, положив мне руку на плечо. Мы молчали. И я без слов – зачем они были здесь нужны? – чувствовала ее поддержку. Мы смотрели, как услужливые амазонки подали Фаине платье, она деловито надела его опять, прихорошилась. И все они, сделав нам отмашку и еще раз подтвердив готовность встретиться на исходе лета, двинулись прочь, начав синхронно приплясывать на ходу и хором со злой веселостью петь известное:

– Фа-й-на-Фай-на-на́-Фáи-на-Фáйна-Фа-и-на́!..

И я решила начать, как говорится, новую жизнь. А именно – готовиться к предстоящей схватке. Секция женского фехтования находилась не слишком далеко, и я записалась туда.

Трудно теперь было узнать меня – прежнюю рохлю-книголюба. Я тренировалась изо дня в день, выполняя все указания седоусого наставника-мастера, невзирая на то, что уставала, что было трудно, болели мышцы. Свистело дыхание, пот заливал глаза, и мне самой доставалось немало ударов на спаррингах. Я отработывала выпады, приемы защиты, прыжки, постановки ног, и всё-всё-всё. Собирала в пучок волю, стискивая зубы, смахивая мелкие злые слезы и испарину, бросая жестокий вызов себе самой и не щадя себя, ту, старую, – во имя себя же новой. Я прошла весь курс фехтования и рукопашки, и чувствовала себя уже совсем иным человеком.

И в августе мы снова сошлись на том же речном пляже. Моим секундантом снова была Марианна, а напротив меня стояла всё та же Фаина, только теперь в кожаных штанах. Мы схватились на таких же палках. И хотя она была неслабым противником, на этот раз я победила ее! Теперь мы поменялись ролями. Она лежала навзничь на песке, а я стояла сверху.

– Ну что, Фаина, убить тебя или попросишь пощады? – спросила я с холодной усмешкой.

– Убей! – заорала Фаина, задыхаясь от бессильной злости, однако – решительная.

Я была слегка ошарашена. Но она кричала снова и снова: – Да-да, я теперь выбираю смерть!! Убей меня, слышишь! Давай!

А я не хотела ее убивать. Я же была не такая, как она.

– Нет, я тебя не убью, – сказала я довольно спокойно, отходя. Запоздало я понимала, что она теперь, сознательно или бессознательно, наверное, посчитает себя морально наказанной таким моим решением. Ну что ж, пусть...

Рыча и обливаясь злыми скупыми слезами, она вновь требовала себя убить. Но я обернулась и сказала:

– Не надо, Фаина! Надо жить. И тебе, и мне, и всем! Живи, и давай не будем больше ссориться!

Фаина уселась на песок, опустила растрепанную голову на колени и хрипло плакала, подвывая и закрываясь руками. Однако чувствовалось, что ее все-таки отрезвили мои слова. Хотя, возможно, с ее личной точки зрения я действительно «наказала» ее... К ней подошли амазонки и заботливо ворковали над ней. А мы с Марианной шагали прочь, дружески обнявшись, Марианна лихо курила сигарету. И мы снова молчали, потому что опять не хотелось ничего говорить. С того дня мы никогда и ни о чем ни словом не обмолвились с Фаиной. И она больше ни разу не лезла ко мне.

Когда я поступила учиться на швею, то Лена была практически первой, кого я увидела на курсах. Она лежала на столе, свернувшись калачиком, и спала. Потом прибыл главный местный старожил – доцент по географии Захар Семенович. Невысокий, в клетчатом костюмчике и с маленьким, под стать хозяину, ярко-рыжим чемоданчиком, он был холерик и в свои «хоро-

шо за семьдесят» в самом прямом смысле бежал вверх по мраморным лестницам, не держась перил. Зажав между ляжек чемоданчик и снисходительно ворча, он ковырял ключом трудно открывающийся старый замок аудитории. Однако как оружие привыкает к одной руке, так и этот замок всегда слушался смешного старичка. С Захаром Семеновичем можно было поступить оскорбительно, но его невозможно было оскорбить – в этом состояла суть его характера. На его лекциях мы в основном раскрашивали географические карты, а он поведывал нам про давние времена, когда сам еще был молодым, город только строился, а ему приходилось вставать рано и зажигать керосиновые светильники вместо будущих свечей Яблочкова.

– Мне, – рассказывал он, – давали спичку, и я всё обходил в крепости и зажигал! Что вы усмехаетесь? – отмахивал он рукой. – Да, нам доверяли! Это вам дай спичку – вы целого стекла не оставите!

Как будто спичка была булыжнику подобна...

Особо он не досаждал нам, швеям, своей географией, положенной по расписанию для общего образования. И так и говорил, обращаясь к бабьей в основном аудитории разномастных свистух:

– Раскрасьте карты – и идите губы красить да в свои клубы! Только, пожалуйста, не знакомьтесь с варварами с островов! – взывал он. – А то вон – в лесу нашли

женский труп!

Девушки слегка пугались, дергались. А одна зачем-то спросила его, кто его жена.

– Химик! – отмахнул он морщинистой ручкой. – У меня и сын химик, – сообщил он, – и внук вот тоже хочет им стать!

Про жену спросила Грета – замысловатая Ленина подруга. Они вечно ходили парой и обе курили, однако, в отличие от Лены, Грета с виду казалась застенчивой. То поднимет глаза, то потупит. Но когда поднимет – в них искрились холодные насмешливые и даже озорные блики. Затем глаза снова тупились, – будто с помощью их переключения последовательно сменялись две монады каких-то двух поистине разных Грет. Бывало, Грета, начавшая, потупясь, мяться и сжимать ноги, говорила:

– Ой, мне надо ручки помыть!

И быстренько шла в отхожее место. Иногда в их компании находились еще два парня – наглые и неумные. Сима и Тима. Один был неправдоподобно толст и одутловат, с влажными пустыми глазами и одышкой, неуклюжими, словно надутыми кистями рук. Другой – маленький и тощий, с кривым тонким ртом. Но они тоже почти всегда колобродили вместе. Когда Грета возвращалась, они измывались над ней.

– Что, Гретхен, – подмигивали они ей, – отлила?

Грета в ответ бледнела, пыхтела и неистово заверя-

ла:

– Я ходила мыть руки!

В ответ те двое нагло уничтожающе хохотали:

– Ну конечно! Да знаем прекрасно, за чем на самом деле ходила!

Грета краснела и молча обиженно отворачивалась от нахалов. После занятий все собирались за зданием училища, сидели там на бочонках или бревешках. Лена, закинув ногу на ногу, пела песню. Иногда появлялся черненький с розовыми ушами Андрюша – Ленкина любовь. Они вместе курили, а потом обнимались и неистово вза-сос целовались. Затем Лена с Гретой запрягали Андрея в маленькую, по типу китайской, двуколку, на нее становилась Грета в зеленом костюме амазонки. «Рикша» Андрей катал по двору двуколку туда-сюда, а возвышающаяся в ней, расставив ноги, Гретхен довольно улыба-лась. Покатав ее, неуютно сопящий Андрей подсаживал-ся к Лене и, заводясь, толкал ее пальцем в бок, а потом и Гретхен. Иногда, что-то не поделив, они с Ленкой дра-лись.

На занятиях Лена и Андрей пытались сесть вместе, но все преподаватели их рассаживали. Однако те умуд-рялись переговариваться друг с другом через аудиторию наискосок, часто срывали занятия, кидались друг в дру-га жеваной смолой и китайскими палочками. После за-нятий снова дрались, и однажды Лена расцарапала его

до крови. Потом опять мирились и обнимались. И Лена пела и приплясывала, виляя бедрами. Я восхищалась ей и ненавидела ее в то же время. Эту безбашенную, животную, ни о чем не думающую веселую сволочь. Однажды ей что-то не понравилось на лекции Захара Семёновича, и она сначала, заорав, влезла на стул, а потом – и на стол. И стояла на этой высоте, подбоченясь.

– Дурачок ты мой! – крикнула она оттуда Захару Семеновичу.

– Я не твой, слышишь! – заорал он в ответ. – Я не твой, я не твой, я не твой!

Почему я сдружилась с ней? Это произошло после той катастрофы в нашей жизни, когда отец уплыл отдыхать на Граппские острова, а вернулся санитарным парходом больным. Он утверждал, что его болезнь, разъедающая кости, получена просто от невымытых стаканов. Но я-то хорошо уже знала, что такого практически никогда не бывает, и скорее всего, мой отец изменил маме с какими-то местными женщинами. И каким он выглядел ничтожным, трясущимся, оправдывающимся... Отца было жалко, и в то же время он был противен теперь. Я всегда ему верила, считала его честным и благородным. И – вот... Это был слом в моей жизни. Мне не хотелось уже никому верить. Мне вообще ничего не хотелось. Я ничего не видела в будущем, я бросила вызов отцу, маме, себе, всем... И я потопала на прогулку вме-

сте с Ленкой. И я пустилась во все тяжкие – стала курить и быстро подсела. Вскоре для меня стало плеввым делом выкурить в день одну-две пачки сигарет. А Ленка, подумать только, изливала мне личное.

– Эх, Марианка! – надув губы, доверительно произнесла она перед очередным девичьим трёпом.

Почему она вроде уважала меня? Я, таким образом, уже знала, как однажды, выкурив гашишу, Ленка хулиганила на улице, кидаясь камнями, ее схватили и посадили за решетку в темницу. Внес за нее деньги и освободил из темницы ее отец. Но дома он выдрал ее солдатским ремнем. И она ходила в синяках на спине, с красными от скупых слез наглой девки глазами. Вскоре отец ее стал гвардейцем, чтобы впредь под свою ответственность забирать дочь из темницы, если она снова туда попадет. Рано утром Ленка вела в ясли маленького братика. А вечером мы сидели с ней и еще с Гретхен на скамейке, курили, у меня уже доходило до трех пачек в день. Выпившая медовухи Ленка рассказывала мне, как мама купила ей на ее двадцатилетие несколько пар новых шелковых панталон – на кулиске-завязке и на резинке. Ленка зычно распевала на лавочке песни. Андрей, её прихехешник, визжал, плясал в одиночку, бегал отлить за скамейку, играл в бильбоке. Это всё было безнадежно, животно, забвенно, чувственно и офигенно...

И однажды мы завернули в ту старую крепость

на холме, замшелую заброшку времен западных переселений, когда пресловутый Вейк еще обозначали на картах. Про эту крепость поговаривали разное. Но мы упорно шли – я, она и Андрей. А когда пересекали поле, то у березовой рощицы увидели Грету, которая в томном одиночестве стреляла из арбалета в сухое дерево. Раз за разом, освобождаясь от какой-то внутренней только ей понятной фрустрации. И снова ее глаза – то маслено-хитрые, то потупленные – переключали две личности одной Гретхен – нагленькую и застенчивую.

Мы взяли её с собой, и она потопала за нами, убрав арбалет со стрелами в специальный футляр за спиной, на манер котомки. Ее фигуру снова облегал костюм амазонки. Она явно любила его, хотя амазонкой и не была – характерные внешние черты отсутствовали. Мы поднялись на верхний ярус крепости, к ее зубцам, по истертым веками ступенькам. Внутри, на облезлых кирпичных стенах, виднелись замысловатые наборы рун, неизвестные нам. Также – фаллические символы и порнографические изображения, и просто чьи-то имена.

Но оказалось, что Лена и Андрей уже давно забиралась сюда для любовных уединений ночью над землей. Из старых кирпичей они построили ветрозащитное укрытие, покрыли его кровлей, положили широкую перину, на которой можно было лежать или сидеть, на полочку сложили корзины с едой и бутылки с соками и со-

довой водой. Мы сидели вчетвером, курили, играли в карты и домино, ели и пили. Потом отправились бродить по крепости и нашли странный предмет в одном из казематов, похожий на изготовленный кем-то факел, только отсыревший. На следующей неделе мы снова завернули на наши скамейки. Было тепло и солнечно. Мы кайфовали, я курила одну за другой. Потом Ленка с Андрюхой снова не поладили. Они стояли перед нашей скамейкой друг против друга, и она щелкала его по мордасам. Наконец, побив, отвернулась, попросила банку с содовой и начала жадно пить, стоя, запрокинув голову. И тут у нее упали панталоны. Очевидно, подвела кулиска. Спланировали на туфли. Скамейка затряслась – мы хохотали так, что мутилось в глазах, до истерического припадка.

Ленка посмотрела вниз, прикрыла ладонью рот (странный жест, но его делают в подобных случаях), торпливо натянула упавшее исподнее, повернувшись к нам задом, затащила кулиску, одернула платье. Затем, развернувшись лицом, подергалась и передразнила нас гримасой, типа: «Ну и чего – ха-ха?» На другой день на лекции Захара Семёновича она громко призвала его засунуть эти контурные карты в п... Захар Семёнович, не выдержав, изумил всех.

– Сама ты туда иди! Сама оттуда вышла – у своей мамочки!! – заорал он.

Ленка смотрела вытаращенными глазами. Она была в реальном шоке. А на третий день мы снова посетили крепость, тот самый уголок. Ленка была в кожаной шапочке и жевала резинку. И меня теперь что-то неудержимо тянуло в эту крепость, где мы никогда никого не встречали, кроме самих себя, и нами было еще не обследовано подземелье под ней. Меня влекло туда не меньше, чем теперь к сигаретам. И я, привязав к голове специальную свечу Яблочкова, в одиночку отправилась в нашу крепость и стала спускаться вниз по лестнице – в подземелье, где мы еще не бывали. Подземелье становилось темнее и глубже. И у меня захолонуло сердце, когда что-то громко звякнуло в тишине под ногами. Я посмотрела и увидела мятое тонкое медное блюдо. Как оно оказалось здесь?

Дальше простирался коридор с гнездами для светильников по бокам и обвалившейся лепниной. И под ногами попадались металлические стаканы да коробки от киноленки. А потом коридор привел меня в низкий обширный каземат, и только сверху из люков или бойниц падал слабый свет солнца. Справа находилась большущая каменная тумба, вверх по узкому квадратному лазу вели металлические вбитые скобы. А впереди располагалось другое помещение с наполовину сорванной дверью. Но там – царила абсолютная темнота.

Захар Семенович вскоре простился во всеи как пре-

подаватель. Он уходил в отставку и теперь собирался необременительно работать в буфетной в нашем же училище. Он появился на летней сцене перед собравшимися учащимися и доцентами. Не в привычном клетчатом костюмчике, а в штанах горца на подтяжках и в рубахе с воротником апаш. Это было слишком неожиданно. Но окончательно поразило всех, когда он, просто и ясно смотря всем в глаза со сцены и попрощавшись наконец с училищем как учитель, продекламировал как бы свой собственный, заключительный, сольный монолог:

*Не степной я волк, не орел лихой. Я простой человек, я старик больной. Я рабочий ночей, я поэт души. Подойти ко мне, не спеши, не спеши! Я младенец лет, я безумец дней, Я пятнадцать столбов и тринадцать пней. Я ручная пила, я гнилые дрова, Я на хлебе пыль, я во сне трава. Я чаек в ночи, головная боль, Я кусок парчи, молодая моль. Не орел лихой, но крылат навек! Я больной старик, я простой человек.**

(Прим.: *стихи П. Пепперштейна)

Окончания некоторых строк он раскатывал немного пронзительно и истерично, однако – ни разу не переиграв. А последние две строчки прочел тихо, но четко. С достоинством и смирением одновременно. Зал ответил ошарашенным полным молчанием, а потом – овацией. А Захар Семенович почти незаметно исчез со сцены, более ничего не добавляя.

..Нечто было там, внизу, что теперь тянуло меня – скрыться от мира в этом уединенном подземелье и поселиться в нем. И я покидала дом и шла туда. Я обосновалась там, принеся с собой блок сигарет, подушку-сидушку. Я затеплила там керосиновую горелку, пожарила на ней мясо, ела печенье и читала брошюры-комиксы. Так я сидела целыми днями, жуя, греясь у лампы, просматривая комиксы в газетах, размышляя обо всем и ни о чем, и выкуривая одну за другой. Дым шел вверх, образовывались огромные кучи окурков, я проваливалась в забвение и легкую жуть. Одна в тиши и темноте, подсвеченной керосином. Мне больше ничего не требовалось – лишь уйти от всех в замкнутое одиночество, от предавшего семью тяжело заболевшего отца, от обиженной матери. И только иногда думала про них – наглую животную нелепую Ленку, которая меня восхищала и шокировала, и такую же нелепую двойную Гретхен с арбалетом за спиной.

В конце концов я не выдержала и рассказала им про обнаруженное мной подземелье. На следующий день мы трое спустились сюда. Андрей не присоединился – как рассказала Ленка, он от нее неделю как сбежал, и похоже, надолго. (Может, внутренний голос правильно указал что-то ему? – невольно размышляла я уже потом...) Мы сидели кружком, курили. Но Ленка была не такая, как я: если я размеренно жила рядом с тай-

ной тьмы поодаль, то она тотчас решила разведать всё здесь. Она насадила на палку большой кусок угля и подожгла его. И тут же нагло двинулась по всему пространству со вспыхнувшим углем в руке, светя туда и сюда. Проникла и в то помещение, где лежал беспросветный, словно просевший и сгустившийся за годы чернильный мрак. Оказалось – там замкнутый каземат, с нависшим выступом справа. И тут вдруг отвалился горящий кусок угля, упал туда, на каменный пол и – там внизу что-то вспыхнуло. Некая черная смола в мелкой яме. Огонь в полу разгорался. Мы стояли, уже замерев в нерешительности. Сильно пахло дымом. Ленка выругалась и протянула туда палку, стала неистово бить огонь. Эффекта не последовало. Он стал гореть только сильнее.

– Так, бежим отсюда! – скомандовала Ленка.

Мы синхронно развернулись в сторону коридора, и тут за нашими спинами словно раздался раскатистый ружейный выстрел. Мы так и не поняли, что там произошло. Но, видимо, что-то разорвалось и лопнуло под полом, а когда мы обернулись, из каземата молниеносно хлынул тонкий поток горячей смолы. Мы инстинктивно отпрыгнули, а он прокатился мимо нас, перекинулся на другую сторону. И – на пороге выхода в тот спасительный коридор вспыхнуло второе пламя, словно отражение того, первого, в зеркале, – по другую сторону

от нас. Ленка кинулась туда, и, решившись на последнее, попыталась тушить собственной водой. Пламя только дико зашипело, введя Ленку в крик и шок, и нас тоже, а когда Ленка отпрыгнула обратно, огонь, было притихший, резко перекинулся на коридор. Сил погасить его у нее не хватило... Путь был отрезан.

– Наверх, – указала я, – вылезем по скобам!

Мы бросились к лазу, ведущему вверх, но тут отчетливо ощутили, как в горелом дымном воздухе проклятого подземелья запахло по-новому: резким незнакомым газом, похожим на болотный. Едва мы успели это ощутить, как рванул взрыв, оглушивший нас. И волной, переворачивающей сознание, ударило из того каземата, оттуда выплеснулся сгусток пламени, а стоящую ближе всех к каземату Гретхен подбросило в воздух, как тряпку. Ее закружило в вихрях и с размаху швырнуло головой о камни. Мы услышали страшный хруст.

Мы бросились к ней, уже сами задыхаясь в чаду и горячем воздухе, перевернули. Ленка заорала. Я не орала, но почувствовала, что реальность как-то изменилась – это называется деперсонализацией. В свете сполохов мы видели остекленевшие раскрытые глаза Гретхен – один на две трети, второй на одну. Она погибла мгновенно. Мы даже не помнили, как карабкались наверх по скобам, я – первая, и тут снизу за нами бросились волны огня, так и раздуваемого сквозняком в этой трубе. Я уже долезла

почти до верха, когда услышала Ленкин крик:

– Марианна-а!

Дальше ее сорвало волной горелого воздуха, и она рухнула в полыхающее внизу огненное пространство. Но я – я успела выскочить на верхние стены. А дальше... Дальше до сих пор я не могу восстановить в сознании всё полностью. Я почти не помнила, как тогда спустилась вниз по выступам на внешней стене и бежала прочь от густого дымного столба, стоящего над зубцами. И иногда не пойму – наяву я это видела-слышала или во сне – визг и бой пожарных рынд и спецдирижабль, повисший над крепостью и поливающий ее огнегасящими смесями... И по сей день я вспоминаю те события фрагментами. Словно сама память оберегает меня от этих воспоминаний, позволяя высветить лишь частично – то один, то другой кусок. Я выздоровела; я пришла в себя. Вернулась к нормальной жизни.

Но – моя жизнь разделилась на до и после. Они обе погибли, и я спаслась одна. Может, порой думалось мне, спаслась лишь я потому, что уже неоднократно бывала там и почти жила. Я знала это подземелье, и оно знало меня. Я свыклась с ним, уважительно подходила к нему. А они пришли нагло, не зная его, и сразу зажгли уголь, и ворвались напролом с огнем... И подземелье отомстило. В официальной сводке говорилось, что загорелись запасы старого взрывоопасного горючего под уже

прогнанными плитами полов. Но мне невольно казалось, что причина не только в этом – а мы, три юные грешницы, разбудили во многолетнем запустении неведомое, спящее там потустороннее зло. О котором, впрочем, мы и до этого слышали от людей в округе.

И я сидела у окна, глядя на звезды, думая обо всем и ни о чем, и курила одну за другой.

Я поняла, что это уже никогда не уйдет из меня. И начались странные события в государстве, вспышки магнетизма в небе, война с варварами, локальный конфликт в Вейке, техногенная катастрофа за Полхаром. Далее – отделение Вейка как автономии, бегство из него многих обитателей, закрытие с ним внутренних границ на официальном уровне. Я уже не помнила, что было раньше, что позже, но в народе говорили про «тень над Вейком» и – про «намагничивание тропосферы». Я вышла замуж, у меня родились дочери. И я оставила работу швеи и стала изучать языки. И тогда мы познакомились с Наташей. У которой затем тоже... пропал папа.

Однажды вечером на аллее я встретила Марианну. Она сияла светлым пятном розовой короткой туники с приоткрытым плечиком и брошью-застежкой на груди. На ногах у нее были сандалики с длинными ремнями. Дымя, она ярко улыбалась и предложила прогуляться до кампуса и попросить нашего Ариэля показать нам какой-нибудь фильм – он часто обитал в своей каморке до позднего вечера и монти-

ровал видеозаписи. Я согласилась, и мы шли по теплым-теплым сумеркам. В кампусе были уже задуты все огни кроме двух – в кабинете первого лица кампуса – ректора и второго лица – механика Ариэля.

Ариэль действительно сидел в каморке, узкой и длинной. На ее стене висел плакат с большой фотографией выступающего на сцене поэта Вознесенского. На другой части стены углем в жанре граффити был нарисован человечек в шляпе и очках, чуть больше метра в высоту. Перед Ариэлем на узком столике стоял огромный круглый блестящий микрофон, играла музыка из динамика, и Ариэль упоенно в одиночку пел караоке. Пел песни гвардейские, набокийские и купеческие. Увидев нас, он прервал пение караоке и вопросительно смотрел. Он был в сером костюме, от него пахло киноплёнками и квадригским одеколоном. Выслушав нашу просьбу, он улыбнулся и сказал, что в неучебное время вроде бы не положено, однако таким красавицам он сделает исключение. Вскоре в кинозале мы смотрели несколько музыкальных клипов. Марианна сидела, закинув красивую голую ножку на другую, и курила. Это тоже было не положено в таком месте, но...

Но тогда, – теперь, казалось, в незапамятные, те, времена, – мы порой эдаким манером сживали в вестибюле училища, прогуливая занятия. И Ленка, в сетчатой шляпе, тоже вот так внаглую смолила вне мест для курения, прямо в холле. Пела песни с непечатными

выражениями и поднимала ногу. Рядом сидела Гретхен и тоже поднимала ноги, отгибала плотный подол и часами рассматривала вытянутые ляжки в лиловых чулочках. С таким выражением, будто сама недопонимала, зачем пялится на свои собственные конечности, – словно находя их экстравагантными и замысловатыми в этих чулках. Очевидно, Грета-1 смотрела как раз на ноги Греты-2.

Потом Грета стояла перед Ленкой и мало-помалу начинала сжимать колени и напряженно присвистывать. Застенчивая и смешная... Ленка, заметив ее начавшиеся дискомфорт, говорила:

– Гретхен, по-моему, тебе пора помыть руки! Да-да, иди – и помой ручки!

Ленка насмешливо ухмылялась, а Грета обиженно зло сопела и скрывалась из глаз. Потом появлялись Тима и Сима. Они жгли за училищем фосфор. Они вообще любили чего-нибудь жечь. Мы любили зажигать и жечь... И долюбились...

Марианна зажгла следующую сигарету от окурка предыдущей, а я заворожено смотрела заключительный клип из подборки. Он понравился мне больше всех. Сюжет клипа был такой.

Среди бескрайних вишневых и яблоневых цветущих садов, под лучами солнца и сенью аллей, катил по узенькому пути трамвай. В нем, одна в задней его половине, спи-

ной к другим редким пассажирам, сидела томно-романтическая мечтательная девушка, погруженная в себя и потупившая взор. На остановке в вагон вошел молодой парень. На заднем, слегка размытом плане, за крупно показанным на переднем плане лицом той пассажирки, он, похоже, зачем-то подходил к тем, другим людям в вагоне. Потом кадр менялся. Вот он стоял прямо перед сидящей грустно-мечтающей девушкой и – протягивал к ней руку. Девица смотрела на него. По выражению ее лица становилось понятно – парень ей понравился с первого взгляда. Она увидела его протянутую руку, и осторожно попыталась подать ответно ладонь. Далее – в течение минут трех нам показывались мечтания юной леди, уже связанные непосредственно с этим молодым мужчиной, который, значит, первым подошел к ней и сделал жест нежного знакомства. Вот они вдвоем сидят в яблоневых лесопарках на красивой скамейке, и он играет ей серенаду на аккордеоне.

Плывут на лодке по обширному пруду, залитому солнцем, парень, естественно, гребет. Гуляют по парку; вот она идет, как по канату, по трамвайной рельсе, игриво смеясь, а молодой мужчина поддерживает ее за руку. И снова он выводит мелодии на большой гармонике. А вот они пробираются среди деревьев снова; сгущаются тучи, хлынул ливень... Они бегут и скрываются в замшелой беседке. Момент трогательный и самый объединяющий. Они стоят там, вокруг никого и дождь. Она робко решается приникнуть к нему. Парень

не против. И – происходит главное – уединенное объятие в этой укромной, укрывшей их от разгульной стихии беседке и – первый поцелуй губы в губы... Здесь поток мечтаний прерывается. Перед ней стоит тот самый персонаж всех ее развернутых грез, только в реальности. Да, он протянул к ней руку. Непосредственно для того, чтобы показать – в этой руке у него жетон контролера. Уже в который раз он легонько, настойчиво и холодно, уже начав раздражаться, толкает этой рукой ее и говорит:

– Девушка! Девушка! Ну сколько раз вам повторять! Билет ваш предъявите, пожалуйста!

Другие пассажиры, которых он уже раньше обошел, хихикают.

Она предъявляет ему билет, сами понимаете, в каких чувствах после всего, что представляла внутри себя... Он деловито уходит, естественно, тотчас забыв о ней. Трамвай катит дальше. И как нам жалко ее...

Я особенно запала на этот клип, с его жестоким в своей простоте и невинности финалом. Еще и потому, что в наших садах появился тоже молодой человек с аккордеоном. Он был несколько старше меня, симпатичен, хотя и полного телосложения, с немного одутловатым лицом. Какой-то весь непосредственный и простой, как большой ребенок, но немного грустный некоей своей потайной мыслью.

Он бродил один и неоднократно сидел на скамейке с гармонью. А однажды – с бутылкой шампанского, из которой

задумчиво пил в одиночку. Прямо из горла и точно так же – на скамье под сенью высоких деревьев. Он понравился мне и заинтересовал меня. Чем именно? Ну, такие вещи часто трудно объяснить рационально.

На следующий вечер мы с Марианной снова завернули к Ариэлю. В его каморке дверь была прикрыта, из щели разливался бледный свет и... почему-то тянуло аптекой. Мы робко приоткрыли дверь и увидели, что почти всю каморку занимает теперь кровать с металлической спинкой. На ней в постели лежал Ариэль.

Мы остолбенели, но он дал нам жест не стесняться и не пугаться и всё объяснил. Третьего дня ему стало плохо с сердцем прямо в кампусе, на его рабочем месте. Сказались гипертония и излишний вес. Отпускать его домой в таком состоянии было опасно, вести педальный планер он не мог. Поэтому прибежавший ректор великодушно разрешил оставить его в покое прямо здесь и не тревожить. По его распоряжению с чердака принесли старую койку.

И теперь Ариэль болел. В кампусе шли занятия, а за дверью каморки наш механик тихонько лежал и принимал лекарства. Ему уже стало лучше, но он периодически еще постанывал. Он поблагодарил нас, девочек, за теплоту и доброту, и отпустил. Мы пожелали ему выздоровления и тайком... заглянули в апартаменты ректора.

За прозрачным бронестеклом ректор сидел за откидным столом в кожаном кресле. На спинке кресла висел сюртук,

правой рукой ректор вдохновенно набирал что-то в вычислительной машине, глядя в экран. А левой машинально тербил галстук. Он был очень вдохновенен, все порывистые манеры так и выдавали в нем творческую личность. В конце концов он сунул галстук себе в рот и, продолжая набивать заметки или документы, бессознательно жевал его конец, как бык длинную зеленую траву. В порывистом жесте, очевидно, ставя логическую точку в своем наборе и радуясь самому себе, совсем как мой папа за тюбиками, ректор выдернул галстук изо рта, отхватив от него кусок примерно в одну пятаю. Машинально посмотрел на остаток, отпустил наконец его. Закрыв крышку печатающего устройства, деловито взглянул на часы. На сегодня всё было явно закончено.

Ректор встал, мы отпрянули, чтобы он нас не заметил, впрочем, похоже, он и не замечал никого вокруг – вдохновенный доктор наук. Он быстро, бессознательным жестом мышечной памяти, содрал с шеи надкусанный галстук и, поразмышляв несколько секунд, бросил его в мусорную корзину. Затем деловито подошел к компактному шкафчику с резьбой на манер рококо и открыл в нем маленькую полочку. Там, на вешалке, у него был заготовлен ряд запасных галстуков разной, но не очень уж пестрой цветовой гаммы. Быстро выбрав один, он так же привычно и деловито повязал его перед зеркальцем на шею вместо частично съеденного сегодня. Надул щеки, надел сюртук и – направился наконец к выходу. В темном дворе, освещенном одиноким фонарем,

зазвонил, раскатисто в тишине, велосипедный звонок. Стало ясно – ректор оседлал своего железного конька и поехал по пустынным улицам домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.